

Божественной? Для ограниченнаго и несовершеннаго человѣческаго ума непостижимо ученіе, возвѣщающее истины ума все совершеннаго и не ограниченнаго. Иисусъ Христосъ изъяснялъ свое ученіе въ самой простой и наглядной формѣ—притчахъ, для которыхъ бралъ всѣмъ доступные и понятные образы пастыря, сѣятеля, виноградяра, распутнаго сына, заимодавца; кромѣ того Онъ открывалъ Своимъ слушателямъ божественныя истины въ строгой послѣдовательности и постепенности, переходя постоянно отъ легкаго къ болѣе трудному, и это Онъ дѣлалъ именно потому, что признавалъ трудность для слушателей—ограниченнымъ умомъ усвоить Его ученіе, откровеніе безконечнаго Божественнаго Духа,—и все таки въ прощальной бесѣдѣ съ учениками Онъ долженъ былъ сказать: „Еще многое имѣю сказать вамъ; но вы теперь не можете вмѣстить. Когда же придетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ на всякую истину... Утѣшитель, Духъ Святой, Котораго пошлетъ Отецъ во имя Мое, научитъ васъ всему и напомнитъ вамъ все, что Я говорилъ вамъ“. (Іоан. 16, 12, 13; 14, 26). Что ученіе Спасителя не будетъ воспринято и понято всѣми одинаково, объ этомъ ученики знали еще вначалѣ общественнаго служенія Иисуса Христа: „вамъ дано знать тайны Царствія, а имъ не дано... потому что они видя не видятъ, и слыша не слышатъ, и не разумѣютъ“ (Матѣ. 13, 11, 13). Для пониманія ученія Иисуса Христа мало развитія одного ума, для этого требовалась еще и чистота (неогрубѣлость) сердца (Матѣ. 13, 15), что не всегда требуется для пониманія человѣческой мудрости. По этому нужно сказать совершенно противоположное тому, что сказала Толстой: возвышенность ученія Иисуса Христа и неодинаковость пониманія его со стороны людей, сами по себѣ, служатъ однимъ изъ доказательствъ того, что преподавшій его былъ болѣе, чѣмъ человѣкъ, а ученіе его болѣе, чѣмъ ученіе человѣческое. Самъ Иисусъ Христосъ прямо называлъ его ученіемъ, происходящимъ отъ Бога. „Отвергающій Меня и не принимающій словъ Моихъ,—говорилъ Онъ (Іоан. 12, 48. 50), имѣетъ судію себѣ: слово, которое Я говорилъ, оно будетъ судить его въ послѣдній день. Ибо Я говорилъ не отъ Себя, но пославшій Меня Отецъ, Онъ далъ Мнѣ заповѣдь, что сказать